… Утро перед сражением, военный штаб крестоносцев …

– Что будем делать? – спрашивал знатный муж, пришедший карать сатанистов. Шутка. Конечно же, он был здесь, чтобы пограбить местных, приобрести себе немножко военной славы и, конечно же, получить индульгенцию от папы.

– Как стало мне известно, враг находится в более чем четырёхкратном меньшинстве! Почему мы до сих пор здесь? По коням, на таран! Мы этих «солдатиков» эйсенских побьём на раз два, коли у них даже рыцарей нет! – отличное начало дня – спор со сторонником агрессивной, необдуманной атаки. Вот такие вот кровожадные бойцы, как он, и маршал Одреем, поверьте мне на слово, всегда ломают всю малину остальным своими глупыми действиями.

– Потому что он укрепился. Кроме того, в распоряжении врага неизвестное нам оружие. Вполне вероятно, что он ждёт нашей атаки и, будучи готовым к ней, желает сделать нам крайне неприятный сюрприз, использовав его в момент нашей атаки. Моя рекомендация – отступить на другой берег Данубе, – блестящая идея, воистину, но всё же есть одна проблема:

– Не согласен. Нам необходимо воспользоваться моментом и ударить во врага всей силой рыцарского тарана прямо сейчас, не давая ему возможности ускользнуть из наших рук. Если мы здесь победим, то у наследника Вильгельма, лишённого резервов, попросту больше не будет возможностей сопротивляться, а его вассалы, разочарованные в нём, перейдёт на нашу сторону, – и заключается она в том, что он – лишь один из множества феодалов, под началом которого лишь часть войска. Да, он авторитетен и стар, но толку от этого, если он один-единственный пытается донести разумную мысль до остальных? Верно, никакого…

– Бла-бла-бла… – угу, угум-с.

– Бла-бла-бла! – ага.

– Чего так усердно воркуем, достопочтенные герры? – наконец, явился сам герцог Далмации, Карл фон Либкнехт, непосредственный организатор похода и причина столь быстрого прохождения вглубь страны. Разумеется, и хотя бы уже потому он обладал серьёзным авторитетом среди всех руководителей похода. Кроме того, он был самым старшим среди всех и, кроме того, курфюрстом (то есть, одним из тех, кто избирает императора). Так что, стоило ему только явиться, как все склоки тут же, пускай и лишь на время, прекратились. Очевидно, понимая своё превосходство, он решил воспользоваться им для усмирения остальных…

– Ах, герцог! Мы как раз вас только и дожидались, прежде чем начать военный совет, – безупречная лесть.

– Позвольте мне выразить вам свою за это благодарность. К сожалению, я был отвлечён кое-какими… делами, требующими деликатного подхода. Теперь, пожалуй, нам стоит приступить к обсуждению действительного плана по разгрому противника, – впрочем, в дело вступает миссис «Личный интерес». Так уж получилось, что даже умудрённый опытом в военных делах Карл, прекрасно понимая возможные риски, не желал затягивать войну, так как Сабор был

очень недоволен его значительными расходами на ведение войны в герцогстве Эйсенском. Если быть точнее, то попыткой обложить налогами зажиточное население городов на побережье Далмации, а также торгующих там купцов, чтобы обеспечить столь необходимое пополнение казны (тем более что она была быстро и досуха опустошена подкупами приграничных крепостей). Разумеется, чтобы убедить Сабор в необходимости утвердить ряд новых налогов на ведение войны, ему необходимо было как можно скорее разгромить Фридриха и, желательно, захватить столицу. Ещё недавно непременным предметом его ночных кошмаров было то, что ему придётся просиживать штаны долгие месяцы, если не годы, пытаясь взять неприступный Ульфхайм измором, постоянно опасаясь при этом непрерывной работы Фридриха по его коммуникациям. Теперь же, когда столь желанная цель была буквально на расстоянии вытянутой руки, он был намерен не упустить её, чего бы это ему не стоило.

– Враг занял единственную в округе высоту, укрепив там свой лагерь. Кроме того, герцог Эйсенский, таким образом, ещё и оказался естественным образом защищён от полного окружения, ведь лагерь прижат к реке, и без речного флота, которого у нас нет, в отличие от герцога, взять его в полное окружение, даже при всём желании, у нас не выйдет. Тем не менее, если мы попытаемся обойти его лагерь, то наши коммуникации окажутся у герцога как на ладони, а кроме того, мы сами, в таком случае, рискуем быть окружёнными и прижатыми к одному из берегов Данубе, не имея при этом никаких путей для отступлений. Как ни погляди, ситуация, очевидно, плачевная. Своим молниеносным манёвром Фридрих не просто застал нас врасплох, но и поставил нас в крайне невыгодное положение, достигнув стратегического преимущества. В связи с этим я повторно предлагаю отступить и, перегруппировавшись, организованно перейти на другой берег Данубе с целью вынудить герцога последовать за нами, если только он не хочет допустить разорения земель своих вассалов, расположившихся в низинах правобережья Данубе, – конечно же, умная голова маркграфа Бранденбургского, Фридриха фон Гогенцоллерна, не менее умудрённого военным опытом, подсказала, вообще-то, весьма умную мысль. Собственно, а почему бы им не лишить Фридриха его стратегического преимущества, достигнутого быстрым манёвром его войска в узком пространстве, при помощи переноса действий на более просторную территорию, пускай и не имеющую прямого выхода к столице герцогства. Впрочем, как и немногим ранее, его мысли были совершенно перевраны и неверно истолкованы:

– Действительно, весьма хороший план – давайте же вынудим трусливого герцога выйти к нам в поле, чтобы сразиться, как подобает настоящим рыцарям. Умная идея возникла, между прочим, у герра Фридриха. Предлагаю поступить так, как он и просит нас о том – сами притворно начнём готовиться к отступлению в Дерпт, а заодно отправим к нему «перебежчика», который доставит ему сведения о том, что мы якобы собираемся перейти на другой берег Данубе. Когда же он будет вынужден сам собираться, чтобы преследовать нас… так, забудьте всё, о чём я сказал. Этот герцог буквально идиот. Он только что вышел на ровное поле всем своим войском! Итак, рыцари, по коням! – эх, а вот если бы он досказал свой «гениальный план», то все бы, наконец, убедились в том, что он не самый хитрый стратег. Ход, который он, очевидно, намеревался предложить на собрании, был довольно предсказуемым, но главное – не учитывал того, с какой тактикой собирался теперь против него воевать Фридрих, позиции которого также серьёзно пошатнулись после сдачи Дерптской крепости её комендантом. Он искал сражения не менее герцога Далмации, а потому, вооружившись тактикой неудержимого натиска, он вышел против своего противника...

… На поле битвы …

– Ваша Светлость, вы точно уверены в том, что вы собираетесь предпринять? Знаете, ещё ведь не поздно отступить обратно за стены лагеря… – Сергий, наверное, доставал Фридриха с этим вопросом уже в сотый раз. И, пожалуй, его можно понять – он хоть и верил в Его Величество, но, видя численное преимущество на стороне врага, даже несмотря на все укрепления, которыми частью возмещалась потеря обороноспособности войска, нанесённая исходом из лагеря, он нехотя нервничал. Впрочем, как и все в войске, в том числе и сам Фридрих. Никому ещё прежде не доводилось даже думать о начале битвы при подобной пропорции, не то что заикаться о возможной победе, но Фридрих верил в свои возможности и силу своей армии, и этой верой заряжал абсолютно всех. Тем временем, стоит уделить внимание смене тактике – как и прежде, в основу победы закладывался мощный одновременный ружейный и артиллерийский огонь, однако на этот раз была сделана небольшая поправка – половина войска растянулось тонкой линией в две шеренги напротив вражеского фронта по правую сторону (равно как и вся имеющаяся артиллерия). В то же время, остальная его часть сосредоточилась на узком участке фронта, выстроившись в глубокую колонну. Короче говоря, так называемый косой порядок, когда-то принёсший фиванцам победу при Левктрах. Однако в данном случае предназначение было немного другое – откровенная слабость правого фланга была не просто очевидна врагу, но и выставлялась ему напоказ, равно как и значительная глубина строя на узком левом фланге, прикрытом небольшим ручейком (кавалерия же осталась в резерве, скрытая от врага линиями правого фланга). Цель – как бы намекнуть противнику, куда ему стоит бить. Разумеется, это было ошибкой в том плане, что трюк был слишком очевиден, но Фридриха спасло то, что враг просто-напросто не располагал в данном сражении особым благоразумием, так как желал скорейшей битвы.

– Да, я полностью уверен, мой друг! – наконец, противник перешёл к активным действиям – войско врага выстроилось широким фронтом, надеясь просто смять противника своим числом (к слову, так решалось практически большинство крупных сражений, ибо в те далёкие времена насчёт тактики особо не заморачивались).

– Хорошо, герр. Я верю в вас, – произнёс Сергий, прежде чем удалиться к своему левому флангу, на котором расположилась основная масса пехоты Фридриха. Ему ещё предстояло сыграть важную, пускай и лишь вторую по важности, роль в битве, а пока всё было в ведении госпожи артиллерии.

– Ждать двухсот шагов! – тем временем, враг, сформировавший боевые порядки, начал постепенно сближаться, Сейчас войско Фридрих и Карла всё ещё разделяло поле размером в километр, но это расстояние очень быстро сокращалось в связи с неразумной спешкой противника, стремившегося как можно быстрее, невзирая на опасность быстрого утомления войска, атаковать позиции Фридриха.

– Ждать подхода врага! – вторили Фридриху командиры, передававшие его приказы своим подчинённым. Тем временем, враг уже находился на отметке в 700 метров, и начала постепенно становиться очевидной проблема крестоносцев – их конные баталии, разогнавшись до галопа во всю опору, нарушили свой строй, серьёзно сузив ширину своего фронта наступления, умудрившись при этом ещё и смешаться между собой.

– Ждём ещё 200 шагов! – итак, уже 400 метров.

– Ждём ещё 200 шагов! – как и прежде, безупречная дисциплина и строгая иерархия командования.

– Пли! – наконец, наступило долгожданное расстояние в 200 шагов (порядка 200 метров), а если быть точнее, то 220-240 шагов (взял с упреждением).

– Пли! – говорили артиллерийские офицеры, «залп» - говорили пехотные командиры, но, в сущности, результат был всего один – запели ружья и загалдели пушки! Тысячи, десятки тысяч пуль одновременно вышли из фузей солдат, порождая при этом абсолютно непрозрачное облако из чёрного пороха, которое уничтожило любую возможность наблюдения за ходом боя.

– В атаку! – сказал Фридрих, посылая уланскую кавалерию.

– В АТАК-У-У-У! – разумеется, вызвав сначала у пациента испуг и шок, он же и попытался его излечить, призвав себе на вооружение известное выражение Суворова «Пуля – дура, штык молодец!». Не успел даже начать развеиваться туман, как на врага, испуганного и сбитого с толку предыдущим залпом, накинулись страшные уродцы в одноцветной серой одежде, убогой и странной, чтобы подкрепить эффект – в первую очередь, в гущу сражения была направлена колонна (та самая, что под контролем Сергия) и, как это ни странно, все конные резервы. С фронта же их ждала штыковая атака солдат Луки. Правый фланг противника, зажатый между молотом и наковальней, быстро развалился под безумным натиском солдат (как говорится, загнанный зверь – самое опасное из существ).

Впрочем, недолго продержался и левый фланг крестоносцев, не выдержавший стремительной атаки кавалерии при поддержке вышеупомянутой колонны, а также артиллерии (она была достаточно мобильна, чтобы тут же сменить свой сектор обстрела). Наконец, потеряв оба фланга, рухнул и центр крестоносцев.

Таким образом, важнейшее сражение войны было выиграно в два действия (а если быть точнее, то этому предшествовал целый комплекс событий, о части которых мы вам и сообщили в обобщённом виде)!

http://tl.rulate.ru/book/66483/1762053